

Вновь зазвучала музыка. Нежные, переливчатые напевы флейт и лютен вернули праздничное настроение прерванному пиршеству.

Для большинства гостей случившееся осталось лишь досадным недоразумением: в конце концов, в любой семье не без уроды, и у каждого ордена найдётся парочка непутёвых учеников. Однако кое-кто всерьёз задумался о той твари. Пусть даже Хуа Цзиньюнь давно точил зуб на Дворец Небесного Предела, он прекрасно понимал: с их силой упустить монстра на собственной территории просто невозможно. А значит, зверя привели извне.

Если же говорить о тех, кто чаще прочих знается с подобными духовными тварями...

Хуа Цзиньюнь поднял чарку и саркастично салютовал в сторону ордена Юйлин:

— Глава секты Лин! Глава секты Лин? О чём это вы так крепко задумались? Неужто признали давешнего зверя?

Лин Сы, действительно витавший в облаках, от неожиданности вздрогнул и поспешно поднял чарку в ответном жесте:

— Прошу простить мою невежливость. Если бы я признал тварь, то непременно в ту же секунду доложил бы владыке дворца.

— Ха! Да ты не робей так, Глава секты Лин. А то я грешным делом подумал, уж не забыли ли в ордене Юйлин запереть ворота заднего двора?

В голосе Хуа Цзиньюня сквозило откровенное пренебрежение. Привыкший помыкать мелкими школами, он никогда не ставил орден Юйлин ни во грош, а робкий, нерешительный вид Лин Сы лишь сильнее его раздражал.

— Полно вам, разве смею я так оплошать? — мягко улыбнулся Лин Сы. — Справься мы столь дурно, это бросило бы тень на доверие Дворца Небесного Предела. А задумался я лишь оттого, что упустил случай выказать почтение Бессмертному Тайвэю. Я ведь впервые сподобился узреть его воочию.

Хуа Цзиньюнь язвительно усмехнулся:

— Надо же, Глава секты Лин всегда столь почтителен и скромен? Впрочем, оно и понятно. Стоит твоим деткам сделаться личными учениками старейшин, как вы с Дворцом Небесного Предела станете делить одни штаны на двоих. Тогда и имя «Юйлин» можно отбросить за ненадобностью. Повесите вывеску какого-нибудь филиала, а звание «главы филиала» в глазах людей будет куда весомее, чем твой нынешний пост.

Лин Сы лишь кротко взглянул на собеседника и со своей неизменной мягкой улыбкой ответил:

— Главе школы Хуа прекрасно известно, что наш орден никогда не гнался за подобной мишурой.

— Не гнался? Рассказывай эти сказки глупцам, — фыркнул Хуа Цзиньюнь, наливая себе ещё вина. Он пригубил из чарки и негромко добавил: — Коли вам всё равно, с чего бы это Глава секты Лин в последнее время зачастил в море? Неужто просто видами любовался?

Лин Сы промолчал, оставив выпад без ответа. В этот момент к столу как раз вернулся Лин Сяо. Услышав язвительные речи Хуа Цзиньюня, он вежливо, но твёрдо вмешался:

— Мой отец каждый год отправляется к Южному морю. Некоторые из духовных зверей, которых мы разводим, питаются исключительно глубоководной рыбой из тех мест. К тому же, по слухам, где-то в пучинах Южного моря сокрыт Дракониий дворец. Отец задерживается там на пару дней в надежде, что ему улыбнётся удача и он отыщет верный путь.

Хуа Цзиньюнь окинул Лин Сяо оценивающим взглядом, а затем вновь перевёл глаза на его отца.

— А-а, так вы к Южному морю ходили... — протянул он туманно. — Теперь понятно.

Разговор зашёл в тупик, и Хуа Цзиньюнь потерял интерес к главе ордена Юйлин. Тем временем Лин Сяо достал новенькие небесные фонарики:

— Отец, это для нашего ордена. Один тебе, другой матушке.

— У нас с твоей матерью лишь одно желание: чтобы вы с Лань-эр добились своего, — Лин Сы тепло улыбнулся. Колкие намёки Хуа Цзиньюня ничуть не испортили ему настроения. Потрепав сына по голове, он тихо спросил: — Всё, что ты просил подготовить, уже отправили?

— Да, передал через человека, — ответил Лин Сяо. — Спасибо, отец.

— Вот и славно, — кивнул Лин Сы. — Вы с Юй Уцюэ выросли вместе. У него нет родителей, так что вполне естественно, что ты заботаешься о нём.

Праздничный пир подходил к концу. Когда первый небесный фонарик медленно устремился к звёздам, остальные гости тоже принялись выводить на тонкой бумаге свои заветные желания, отпуская светящиеся купола в ночную высь.

Первый фонарик, зажжённый Бай Инчи, взлетел выше и дальше всех, а его пламя то ярко разгоралось, то трепетало на ветру. Написанные на нём слова «Лишь желаю, чтобы Хэ Си...» дальше расплывались, и разобрать надпись было уже невозможно. Интересно, увидел ли её тот, кто покинул пиршество самым первым?

\*\*\*

Юй Уцюэ шёл плечом к плечу с Кунчжи, безмолвно следуя за своим господином к пристани, где покачивались летающие ковчег.

Они миновали изящные беседки и мостики над водой, углубляясь в тенистую бамбуковую аллею. Далёкие напевы флейт из Дворца Духовной Оси постепенно затихали в ночи.

Вдруг из придорожных кустов раздалось приглушённое шипение:

— Пс-с!

— Второй брат Цюэ!

В густой листве послышался шорох, и на свет боязливо высунулись три юные физиономии. В полумраке аллеи, скудно освещённой редкими каменными фонарями, Хэ Бугуй остановился и слегка повернул голову. Он помнил эту троицу: заплаканный соучастник утреннего переполоха, длинноязыкий юнец и та самая девчушка, ради которой Уцюэ смастерил шкатулку с фейерверком.

Юй Уцюэ бросил на друзей быстрый взгляд и, шагнув вперёд, почтительно обратился к наставнику:

— Бессмертный, могу я ненадолго отлучиться, чтобы попрощаться с ними?

Из зарослей тут же хором донеслось умоляющее:

— Пожалуйста, проявите милость, Бессмертный Тайвэй!

Хэ Бугуй лишь едва заметно кивнул и молча двинулся дальше по тропе.

— Молодой господин, мы будем ждать вас у летающего экипажа, — предупредил Кунчжи. — Постарайтесь не задерживаться.

— Хорошо.

Как только провожатые скрылись за поворотом, троица гурьбой вывалилась на дорожку. Цзи Сюэвэй шмыгала носом, готовая вот-вот разрыдаться, и растерянно переминалась с ноги на ногу. У Цинлань выглядел не менее смущённым. И лишь Юэ Тинфан, ни на секунду не замолкая, деловито впихивал в руки Юй Уцюэ один узел за другим.

— Так, слушай сюда. В этом розовом мешке одежда и вышитый ароматный мешочек, которые для тебя сделала Сяомэй. В тёмно-синем — угощения от сестры Лань и брата Сяо. А фиолетовый — от меня лично: там и еда, и всякие забавные безделушки. Держи крепче и не потеряй!

Юй Уцюэ вмиг превратился во вьючного мула, увешанного узлами и свёртками. От такой трогательной заботы на душе у него потеплело, и он широко улыбнулся:

— Ладно вам, возвращайтесь поскорее и не переживайте за меня. Сами же видели — Бессмертный Тайвэй вовсе не злой. И передайте шифу, пусть тоже не беспокоится.

— Второй брат Цюэ, ты ведь будешь писать нам? — Цзи Сюэвэй уставилась на него умоляющим, блестящим от слёз взглядом. — Пусть тебе нельзя спускаться с горы, но хоть весточку-то прислать можно? Мы же соскучимся!

— Ну что ты заладила! — не выдержал Юэ Тинфан, бесцеремонно отодвигая её плечом. — Девчонка, а такие слова прилюдно говоришь, хоть бы постыдилась!

— Не твоё дело! — огрызнулась Цзи Сюэвэй. Она поспешно вытащила из-за пазухи благоухающий тонким ароматом платок и затолкнула его прямо в широкий рукав Юй Уцюэ. — Второй брат Цюэ, пользуйся на здоровье. Как износится, я тебе новый вышью.

Юэ Тинфан недовольно надулся и что-то пробурчал под нос, явно тоже желая получить такой подарок, за что тут же удостоился от Сяомэй колкого замечания. У Цинлань, чувствуя себя здесь совершенно лишним, поспешил отступить на шаг. Наблюдать за назревающими любовными страстями этой троицы ему было откровенно неловко.

Он не готовил для Юй Уцюэ никаких прощальных даров, да и их дружба не была столь близкой, чтобы провожать его до самого корабля. Но всё же он пришёл. Было видно, что он отчаянно хочет сказать что-то важное, но никак не может вклиниться в общий гомон.

Заметив его заминку, Юй Уцюэ дружески хлопнул его по плечу:

— Ладно тебе, Цинлань. Всё, что нужно, мы уже рассказали. Улики у главы дворца, они во всём разберутся. А ты пока сиди тихо и без нужды из ордена не высывайся.

У Цинлань осторожно потянул Уцюэ за рукав, уводя чуть в сторону от спорящей парочки, и вполголоса проговорил:

— Уцюэ... Прости, что так вышло. Я перед тобой в долгу. Вот, прими это в знак благодарности.

С этими словами он бережно достал из рукава чётки-браслет. В бледном свете луны нанизанные на нить чёрные бусины мерцали мягким, таинственным блеском. У Цинлань

протянул подарок на раскрытых ладонях, словно страхась отказа, и поспешно добавил:

— Ничего более ценного у меня нет, так что не обессудь. Возьми, пожалуйста.

— Да брось ты, — попытался отмахнуться Юй Уцюэ. — Подумаешь, почесали языками за мой счёт. Тебе вон вообще ни за что досталось плетьюми, так что забудь.

— Нет, это совсем другое, — упрямо возразил У Цинлань и слегка потряс Уцюэ за руку, по-девчоночьи капризно потянув её на себя. — Ну возьми же! Считай это... залогом нашей дружбы.

У Цинлань по характеру и повадкам напоминал ранимую девушку, да и лицом уродился на диво смазливый, из-за чего многие ученики сторонились его. Сам он тоже рос нелюдимым. Юй Уцюэ общался с ним редко, но всякий раз, затеявая весёлые шалости, не забывал позвать его с собой. Этот парень хоть и был со своими причудами, но в душе оставался добрым и искренним.

Этой ночью Цинлань пострадал сильнее всех. Что же до самого Юй Уцюэ, то он давно привык быть без вины виноватым — одним клеймом больше, одним меньше, какая разница? Но оставлять тяжесть на душе товарища ему не хотелось. Коли станет упрямитесь, Цинлань лишь сильнее расстроится.

Поэтому Уцюэ не стал больше спорить, широко улыбнулся и нацепил браслет на запястье:

— Что ж, тогда не откажусь. А это что за штука?

Увидев, что Юй Уцюэ сразу надел его подарок, У Цинлань застенчиво улыбнулся, и он наконец расслабился.

— Это подарок от дяди к Празднику середины осени. Называется «Бусина былого». Она способна в точности воспроизвести всё, что происходило в радиусе нескольких шагов за последний час.

— Ого, вот это сокровище! — присвистнул Уцюэ. — Что же ты её раньше не вытащил? С такой безделушкой нам бы не пришлось столько торчать на коленях!

— Я... я забыл её в комнате, только сейчас сбегал и забрал. К тому же... к тому же... — пролепетал парень, заливаясь краской.

Даже если бы бусина была при нём, у него ни за что не хватило бы духу заставить её показать при всём честном народе, как гнусно надругался над ним тот неизвестный мерзавец. К тому же он дорожил этой вещью пуще всего и никогда не носил её открыто.

— Ладно, в любом случае — спасибо, буду беречь, — Юй Уцюэ панибратски приобнял друга за плечи и повернулся к Юэ Тинфану, сменив весёлый тон на серьёзный: — Тинфан, пока негодяя не поймают, глаз не спускай с Сяомэй. И сами никуда без нужды не суйтесь. Слушайте шифу и старшего брата Му, уяснили?

Юэ Тинфан закатил глаза с таким видом, будто услышал величайшую глупость в жизни:

— Слышать подобные наставления из твоих уст — то ещё испытание для ушей. Сам-то веришь в то, что говоришь?

— Да я же серьёзно! — хохотнул Уцюэ, но тут же вновь посерьёзnel: — Береги Сяомэй и Цинланы. Ну всё, мне пора.

Объяснять подробности было некогда, да и не к чему. Напоследок, чтобы окончательно успокоить душу, он незаметно прикусил кончик пальца и, когда дружески похлопал каждого по плечам, незаметно оставил по капле своей крови у них на затылках — прямо у основания шеи. Это защитное клеймо убережёт их от внезапной беды.

\*\*\*

Когда они вернулись в Парящий дворец, ночь уже полностью вступила в свои права. По расчётам Юй Уцюэ, Бессмертный Тайвэй сейчас должен был окончательно лишиться сил. Оставив ворох подарков в своей комнате, юноша достал припасённое для Хэ Бугуя изысканное вино и свежие лунные пряники. Бережно уложив угощения в лаковый коробок, он поспешил к главному залу.

Однако наставник оказался куда шустрее: он ушёл, даже не успев сделать глотка воды.

— Господин отправился на встречу с владыкой дворца, — пояснил встретивший его Кунью.

Юй Уцюэ со вздохом поставил коробку и поплёлся обратно. За эту ночь произошло слишком много всего, и хотя в итоге он целым и невредимым вернулся в Парящий дворец, на душе скребли кошки. В последнее время мирная жизнь давала трещину за трещиной, и всякий раз он оказывался в самом эпицентре бури. Неужели звёзды сулили ему сплошные несчастья в этом году?

Ладно бы страдал только он сам, но ведь Хэ Бугую приходилось раз за разом расхлёбывать за ним кашу. От этой мысли становилось чертовски неловко. Зная, насколько слаб его наставник, Уцюэ не сомневался: тот отправился к Бай Инчи глубокой ночью лишь ради того, чтобы по горячим следам изловить неведомого лазутчика.

Удалось ли шифу хоть немного расслабиться на этом затянувшемся пиру? Отведал ли он хоть кусочек тех паровых блюд, что Уцюэ заботливо приготовил для него спозаранку?

Помогли ли целебные снадобья укрепить его истощённые меридианы перед лицом пронизывающего осеннего ветра?

И пусть сегодня Бессмертный Тайвэй выглядел величественно и торжественно в своих праздничных одеждах, они казались слишком лёгкими для холодной ночи. Накинул ли он тёплый плащ перед уходом?

Подобная суетливая забота уже давно переросла рамки обычной лести ради выживания. Потеряв аппетит и покой, Юй Уцюэ уныло побрёл по крытой галерее в сторону Сада Летнего Дождя.

Тёплый пар поднимался над здешними купальнями, а лотосы цвели круглый год, наполняя воздух сладким благоуханием. Юноша невольно замедлил шаг, вдыхая этот нежный аромат.

Вдруг на периферии зрения промелькнул слабый огонёк. Он поднял голову.

В ночном небе медленно плыл одинокий небесный фонарик.

Когда они летели на летающем экипаже, мириады зажжённых над дворцом фонариков напоминали кружащий в вышине рой золотых светляков — зрелище завораживающее и праздничное. Но этот фонарик плыл в одиночестве, и Уцюэ без труда разглядел выведенные на тонкой бумаге крупные иероглифы.

«Пусть Юй Уцюэ станет послушным и покладистым».

— Опять для меня? — изумился юноша. Он поспешил вглубь сада и вскоре заметил того, кто отпустил купол в небо. — Кунчжи? Ты разве не ушёл вместе с Бессмертным?

Кунчжи обернулся на голос:

— У меня было поручение от господина — запустить этот фонарик.

Юй Уцюэ округлил глаза от изумления:

— Хочешь сказать, эти слова вывел сам Бессмертный Тайвэй?

— Наш господин редко балует себя подобными глупостями. На пиру его отвлекли дела, но запустить фонарик никогда не поздно, — заметив недоверие на лице юноши, Кунчжи нарочно повторил написанное: — Да-да, господин адресовал его тебе: «Пусть молодой господин Юй станет послушным и покладистым».

Эти слова подействовали на Уцюэ подобно ушату целебного нарзана из здешнего источника. Вся утренняя хандра и тревоги мигом испарились, уступив место безумному, рвущемуся наружу восторгу. Юй Уцюэ почувствовал себя павлином, которому вскружило голову весеннее солнце, и он готов был сию же секунду распустить свой шикарный хвост.

Надо же! Хэ Бугуй, который никогда ни у кого ничего не просил, обратился к небесам с просьбой... ради него!

Юноша и помыслить не мог, что удостоится такой чести. И уж подавно не догадывался, что его скромная персона занимает столь важное место в мыслях холодного Бессмертного.

Уцюэ смущённо поскрёб затылок и, глуповато улыбаясь, пробормотал:

— Ну, раз такое дело... придётся подчиниться. Обещаю вести себя хорошо, хе-хе.

Глядя на его сияющую физиономию, Кунчжи благоразумно промолчал. У него не повернулся язык признаться, что надпись эта появилась на свет лишь из-за пустякового уговора и сиюминутного каприза наставника.

— Подожди-ка! Я сейчас сделаю ещё парочку, и мы запустим их вместе! — закричал воодушевлённый Уцюэ.

Окрылённый собственными фантазиями, он потащил безвольную марионетку в дом. Мастерства юноше было не занимать: не прошло и четверти часа, как на столе уже красовались два новеньких фонарика, выполненных куда искуснее тех, что продавали на городских ярмарках.

Кунчжи долго крутил в руках кисть, не зная, что написать, в то время как его напарник безостановочно бубнил под нос, перебирая в уме добрый десяток сокровенных желаний.

— Придумал! — наконец объявил Юй Уцюэ. Он старательно вывел на бумаге крупные иероглифы и нетерпеливо подтолкнул локоть марионетки: — Давай, Кунчжи, пиши уже, чего застыл? Это же проще простого: пиши то, о чём думаешь в эту самую секунду!

— Господин всегда повторял: глупо уповать лишь на милость звёзд, пренебрегая собственными усилиями, — ровным голосом отозвался слуга. Тем не менее, скосив глаза на надпись, которую оставил Уцюэ, он тоже обмакнул кисть в тушь: — Но раз уж мы здесь... у меня тоже найдётся одна мирская просьба.

Закончив писать, человек и марионетка вернулись к пруду с лотосами. Они не стали дожидаться благоприятного часа или созывать гостей с вином — их помыслы и без того были чисты и искренни. С тихим смехом они зажгли фитили и отпустили купола на волю ветра.

В неверном свете мерцающего пламени на жёлтой бумаге можно было различить ровные, твёрдые штрихи.

«Желаю Хэ Бугую крепкого сна и доброго здоровья».

«Желаю, чтобы жизнь господина была полна радости».

Небесные фонарики, унося с собой самые простые, но самые искренние пожелания, медленно растаяли в бескрайней вышине ночного неба.

<http://bllate.org/book/20165/2149183>